

Митрополит Иларион: Наука и религия – две разных области познания

8 ноября 2014 года гостем передачи «Церковь и мир», которую ведет на телеканале «Вести-24» митрополит Волоколамский Иларион, стал научный редактор телеканалов «Россия-2» и «Наука 2.0» Иван Семенов.

Митрополит Иларион: Здравствуйте, дорогие братья и сестры! Вы смотрите передачу «Церковь и мир». Сегодня мы будем говорить о религии и науке. У меня в гостях – научный редактор телеканалов «Россия.2» и «Наука 2.0» Иван Семенов. Здравствуйте, Иван!

И. Семенов: Здравствуйте, дорогой Владыка! Спасибо за предоставленную возможность поговорить с Вами.

Наука и религия – это две сферы человеческой жизни, которые возвышают человека, поднимают его от земли. Еще, конечно, культура, которая немножко, как мне кажется, ближе к религии. Что общего и что разного в научном и религиозном способе познания мира? Является ли теология полноценной наукой с Вашей точки зрения?

Митрополит Иларион: Наука и религия – две совершенно разные области. Но при этом они не являются взаимоисключающими. И хотя нам не раз говорили: наука доказала, что Бога нет, ведь Гагарин полетел в космос, но Бога там не увидел, - мы понимаем всю абсурдность таких аргументов. Но не будем забывать, что именно на аргументах такого уровня и качества были воспитаны несколько поколений, оторванных от Бога. И в те времена прийти к Богу было очень трудно во многом потому, что пытались доказать и доказывали на разных примерах, что наука противоречит религии.

Наука не имеет никаких противоречий с христианским мировоззрением. Мы видим, что наука и религия – две разных области познания. Наука занимается, прежде всего, нашей земной жизнью, материальным миром. Наука объясняет мир моделями (законами) с разной степенью точности, объясняет, как устроены планеты, как устроено мироздание и предлагает решения для улучшения нашей жизни на этой земле. В этом – смысл научного прогресса. Религия занимается совершенно иными вещами. Опять же, наука требует доказательств, усилий разума, а религия основывается на вере и безусловном принятии Истины. Она имеет отношение к душе человека, к тому вечному измерению, которое неподвластно никакой науке, которое не измеряется ни метрами, ни литрами, ни какими-либо другими человеческими мерами. Это «высшее» измерение присутствует в душе

всех людей, но каждый осознает его по-разному. В этом причина многообразия религиозного опыта. Но этот религиозный опыт не противоречит данным науки, научному опыту. Вот почему среди ученых есть и неверующие, и огромное число верующих.

И. Семенов: Что касается предмета теологии: можно ее относить к разряду наук в строгом смысле слова?

Митрополит Иларион: Теологию можно отнести к разряду гуманитарных наук, это учение о Боге, основывающееся на Откровении. Бога невозможно измерить научным познанием, но теология говорит нам, как о Боге думали, говорили и учили те или иные люди. Для нас, христиан, прежде всего, имеет значение христианская теология, - то, что говорил о Боге Иисус Христос, ибо мы верим, что Христос не был простым человеком, но Воплотившимся Богом. Следовательно, все учение Христа является для нас абсолютной и безупречной истиной. Христианская теология направлена, прежде всего, на осмысление тайны Боговоплощения, тайны соединения двух природ в Иисусе Христе – Божественной и человеческой. Теология пытается объяснить, как это произошло. Она находит соответствующие термины для того, чтобы это объяснить.

И. Семенов: Владыка, Вы сказали, что нет противоречия между научным и религиозным методом познания мира. Но еще совсем недавно это было не совсем так. Я не имею в виду советские времена. Например, в XIX веке очень активно развивались естественные науки. Тогда Вселенная представлялась ученым бесконечной и вечной; палеонтологи показывали первые откопанные кости животных, живших миллионы лет назад, а Библию было принято читать буквально, и Библия говорила о сотворении мира за шесть дней семь с чем-то тысяч лет назад. В этой ситуации людям приходилось выбирать: принимать им религиозное мировоззрение или научное. Сейчас все немножко изменилось, потому что и Вселенная не совсем бесконечна по современным воззрениям, и Библию читают немножко иначе. Означает ли это, что все противоречия, которые существовали, сейчас сняты?

Митрополит Иларион: Думаю, что в значительной степени они сняты, потому что мы хорошо понимаем, как надо читать Библию и как нужно относиться к словам Библии, прежде всего, с религиозной точки зрения, при этом не исключая и научный взгляд.

Библейское повествование о сотворении мира в шесть дней сейчас, скорее, воспринимается как сотворение мира в шесть этапов. Причем эти этапы могли длиться, может быть, и миллионы лет. Никто из нас об этом не знает. Само слово «день» в Библии употребляется не только в узком смысле, в каком мы сейчас его употребляем, но и в значении эпохи, периода. Неслучайно в Библии говорится, что у Бога тысяча лет как один день (см. 2 Пет. 3, 8). В чем противоречит Библия, например, воззрениям тех ученых, которые считают, что все во Вселенной эволюционировало от

простого к более сложному и одни виды постепенно превращались в другие? Противоречит в том, что Бог Сам лично творил отдельные виды: Он создал небо и землю, луну и звезды; потом Он создавал жизнь на земле: сначала – растения, затем – животных и уже потом – человека, который стал венцом творения. Нигде не сказано, что человек произошел из животных путем эволюции. Вот почему библейская картина мира, не противореча науке в целом, противоречит теории эволюции, если под ней понимать эволюционирование от простейших видов к более сложным, от животных к человеку.

И. Семенов: То есть Вы присоединяетесь к призывам некоторых наших соотечественников, часто даже облеченных властью и при этом верующих людей, прекратить преподавание теории Дарвина в средних школах?

Митрополит Иларион: Я не говорил, что присоединяюсь к такому мнению. Но мы должны понимать, что теория Дарвина – это только теория, которая никогда не была доказана, ибо мы знаем о существовании различных степеней эволюции внутри одного вида, но никто еще не доказал, что один вид путем эволюции мог превращаться в другой. Мы, например, себя относим к категории людей, а обезьян к категории животных. Видя некое внешнее сходство, мы понимаем, что это две совершенно разные категории. И никто никогда не видел, чтобы обезьяна эволюционировала в человека, переход из одного вида в другой не был доказан. В этом слабость теории, предложенной Дарвиным.

Об этом нужно четко и ясно говорить, преподавая теорию Дарвина в школе. Его теория эволюции не должна преподаваться в том препарированном виде, в котором она существовала в советской школе. Дарвин был человеком верующим, и он понимал, что за всей эволюцией, которую он пытался воспроизвести в своих книгах, в конечном итоге стоял Бог. И его теория не должна преподаваться как некая единственная теория происхождения мира и происхождения видов.

И. Семенов: Владыка, в старые времена было много, можно сказать, великих умов человечества, которые одновременно были и учеными, и религиозными деятелями. Известно, что если вспоминать про эволюцию с другой стороны, то законы генетики первым открыл католический монах Мендель, что Ньютон был не только физиком-математиком, но и замечательным богословом – толкователем Библии. В наше время, мне кажется, такой универсализм, такая смычка ученого с религиозным деятелем почему-то сходит на нет. Или Вам так не кажется?

Митрополит Иларион: Мне так не кажется. Я знаю многих верующих ученых мужей и среди гуманитариев, и среди тех, кто занимается естественными науками. Масштаб этих людей еще предстоит увидеть, потому что, как правило, большое видится на расстоянии.

Вплоть до нашего времени немалое число церковнослужителей оказались в ряду видных деятелей науки. Например, архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), будучи епископом Православной Церкви, занимался одновременно практикой, оперировал людей, писал научные труды в области медицины – он был автором книги «Очерки гнойной хирургии», за которую получил Сталинскую премию. Как он мог все это сочетать?

Тогда, конечно, мало кто об этом знал. Но сейчас нам это стало известно, ведь память об этом удивительном человеке сохранилась и в Церкви, и в научном мире. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) канонизирован Церковью, от его мощей совершаются многие чудеса. Но он и при жизни был целителем в самом прямом смысле этого слова, он был врачом.

И. Семенов: Владыка, продолжая эту тему, есть ли с Вашей точки зрения предел научному познанию, который ставит вера? Что верующий ученый не должен делать в области своего научного познания? Есть ли какая-то граница?

Митрополит Иларион: Есть некие границы, которые связаны, прежде всего, с нравственным законом. Научное познание может служить как во благо человеку, так и во вред. Например, в гитлеровской Германии очень активно развивалась наука. Но эксперименты ставились не над крысами или мышами, а над людьми, ибо ученые считали, что для более быстрого развития науки опыты надо осуществлять над людьми. Выбирали людей из неарийской расы, отправляли их в концлагеря. И все мы знаем, что там происходило.

Существует то нравственное измерение, которое должно препятствовать человечеству развивать науку такими способами и средствами. Мы также знаем, что научные достижения могут нанести человечеству непоправимый ущерб и даже его уничтожить. Например, если говорить о достижениях в ядерной области, есть так называемый мирный атом, который служит человеку, а есть то атомное оружие, которое может уничтожать целые государства и даже в потенциале может уничтожить весь мир. Весь накопленный сейчас ядерный арсенал, который существует у разных стран, если его применение не будет сдерживаться некими четко прописанными нравственными установками, то он может просто взорвать всю нашу маленькую землю.

И. Семенов: Здесь ситуация тоже видимо меняется, потому что еще в начале Нового времени многих ученых-медиков как раз осуждала Церковь за, например, исследования человеческого тела на трупах. Тогда это представлялась безнравственным. Получается, что религиозный критерий сдвигается?

Митрополит Иларион: Я думаю, что в некоторой степени он сдвигается, потому что, наверное, в Средние века никто бы в Церкви не поддержал такую практику, как пересадка органов. Сейчас,

если органы умершего человека можно пересадить живым людям и тем самым спасти им жизнь, Церковь благословляет такой опыт и у нее не возникает сомнений в правильности подобного подхода. Другое дело, что и с этим связаны различные греховные явления, как, например, торговля человеческими органами и даже умерщвления людей с целью получить эти органы, чтобы потом их продать. Здесь, конечно, снова вступает в действие нравственный закон, который должен препятствовать людям заниматься подобного рода преступлениями.

И. Семенов: Владыка, Вы возглавляете кафедру теологии в российском ядерном университете «МИФИ». Чему обучают студентов на этой кафедре и какие перспективы у этого сотрудничества Вам видятся?

Митрополит Иларион: Прежде всего, эта кафедра должна служить площадкой для диалога между наукой и религией, причем именно для диалога между естественными науками и религиозным мировоззрением. Мы создали эту кафедру не по нашей инициативе. Инициатива принадлежала руководству «МИФИ», была поддержана многими преподавателями и студентами. В рамках кафедры мы развиваем несколько направлений: во-первых, направление, связанное с диалогом между наукой и религией, где проводятся семинары, в которых принимают участие теологи и естествоиспытатели, обсуждая как раз ту проблематику, о которой мы сегодня говорим с Вами. Кроме того, для всех желающих студентов мы проводим чисто познавательные курсы, касающиеся основ теологии и религиозного знания.

Я видел по реакции студентов, что им это интересно и нужно. Мы ведь говорим, что университет должен давать не только знания в той профессии, которую человек выбирает, но и некие универсальные компетенции. Знания в религиозной области, конечно, важны для современного человека так же, как важны знания, например, в области литературы и истории. С этой целью и была создана кафедра теологии, и я рад, что она сегодня развивается.

Служба коммуникации ОВЦС